

• Памятники Тверской провинции

«Кормящая мать»

Что может быть выше материнства? В суете быстротечных будней мы как-то не особо над этим задумываемся. Впрочем, в старинном Торопце об этом напоминает небольшая скульптура, установленная рядом с родильным отделением Центральной районной больницы.

Любимая торопчанами скульптура изображает мать, кормящую новорождённого младенца.

Старожилы города говорят, что ранее в композиции были три или четыре фигуры. Но и в таком, как сейчас, виде она представляет историческую ценность.

С первого взгляда понятно, что символизирующий продолжение жизни памятник явно нуждается в реставрации. Хочется надеяться, что это произойдет, и к 950-летию Торопца в 2024 году «Кормящая мать» предстанет перед глазами жителей и гостей города в обновленном виде.

И. Бешимова

«ВНОВЬ БУДЕТ ПЕТЬ ОТВАЖНАЯ ПИЧУГА...»

Вера Грибникова,

г. Тверь

Родилась в 1959 году в пос. Селижарово Тверской (тогда Калининской) области. С 1977 г. живёт в Твери, основная профессия – водитель трамвая (стаж работы 33 года). Член Союза писателей России, член Союза писателей Крыма.

Более 10 лет руководила литературно-музыкальным клубом «Роса», ныне возглавляет Тверское областное литературное объединение «Ковчег». Автор поэтических сборников «Роса», «Соло», «Зимородок». Обладатель именного кубка и Премии княжны Глинской всемирного конкурса русскоязычной поэзии «Надежды лира золотая» (Нью-Йорк, США). Победитель многих российских литературных конкурсов и фестивалей. Стихотворения, проза и публицистика В. Грибниковой печатались в альманахах, журналах, газетах как в России, так и за рубежом (США, Канада, Болгария, Беларусь).

Ниже публикуется подборка стихотворений из её новой книги «Отважная пичуга», которая выйдет в свет в ближайшее время.

МАСТЕРИЦА

Переделала дела,
протянула нить в иголку,
Плавню песню повела
(не привыкла втихомолку).

Грёзой высветлило взор.
Ожила иголка в пальцах,

И мелодии узор
продолжается на пальцах.

Завиточек, лепесток...
Под руками чаровницы
Полотняный лоскуток
скоро в чудо превратится.

Славя женскую судьбу
гладью радужного шёлка,
На холсте творит волшебу
песня, вдетая в иголку.

ВЕСНА

В начале славного пути
Весна, совсем ещё ребёнок,
Спешит в апрель переползти
Из мокрых мартовских пелёнок,

И там легко рванётся в рост.
Девчонкой ловкою да смелой
Бросает наземь горсти звёзд:
Лиловых, синих, жёлтых, белых...

Грачи восторженно галдят,
Вернувшись на свои гнездовья,
И вербы-лапушки глядят
На мир с великою любовью.

Все ручейки и речки – всклень!*

Всё чаще фейерверки почек!
Какая сонь? Какая лень,
Когда весна везде хлопочет?!

А ну, дружней берись за гуж,
На отдых и минутки жалко!
А ну-ка, из квартир и душ
Весь мусор выбросим на свалку!

И в колокольный светлый час,
Чаруя щедростью и статью,
(окончание на стр. 2).

(начало на стр. 1).

Весна у храма встретит нас
Невестой, в яблонево платье.

**вскленье – полнёхоньки, полны по края.*

* * *

Вот и стал бескрылым стих,
В травы прячется невольно.
Умирать совсем не больно,
Больно – мёртвой средь живых.

И меня пугали зря
Отлученьем, власяницей...
Нет, всего страшней заря
Для немой бескрылой птицы.

ПОДКОВА

Подсказки поверий – житейской
огранки слово.
Из треснутой чашки не пью,
услышав примету.
А нынче узнала, что конь твой
сронил подкову.
Ах, как же хотелось найти мне
потерю эту.

Ах, как же мечталось владеть
оберегом доли.
Не ради богатства, а потому, что
твой он.
Глаза проглядела в лугах, у реки,
на поле,
Но, видно, другим счастливец он
был присвоен.

А может, не найден вовсе залог
успеха,
Лежит себе где-то, ржавея, сия
пропажа.
Луга обросли стогами, и ты уехал.
Ни строчки письма, ни вестей, ни
привета даже.

В селе зашептались, мол, девка
дошла до точки,
А он растрепал и в город, живи с
позором.
Ох, солони были мои горевые
ночки,
Иконы смотрели строго, с немой
укором...

Рвануть бы к тебе, любимый, из
этой ямы,
Вагонным окном листать
километров тыщи.
Да только куда рванёшь от лежащей
мамы...
А счастье, быть может, впрямь и на
печке сыщёт,
Слезинки мои осушит, научит
снова
Встречать без тоски рассветы,
смеяться вволю...
И верно! Свершилось чудо,
нашлась подкова,
Не возле реки, не в лугах и не в
чистом поле.

Синичкой порхаю, с делами
справляюсь ловко,
Тяжёлых сомнений камень с души
снимаю.
Под сердцем храню я бесценную
ту подковку:
Сыночек иль доченька, это
решится в мае.

* * *

Солнышко в усердии и рвении.
Ветерок в добрейшем дуновении.
Разомлел сугроб! Присел на
корточки.
Дружно рты поразевали форточки.
Склон расцвёл улыбками
проталинок.
Ребятня избавилась от валенок.
Старики же, хворьями обросшие,
валенки усилили калошами
И на лавочках блаженно жмурятся.
К лужице рискнула выйти курица.
Голоски обрушили лавиной
Воробы – предтеча соловьиная.

Всем по сердцу порушка весенняя.
Близится Христово Воскресение.

ПРИВЕТ ИЗ ДЕТСТВА

Там, где ласковая льнянка льнёт к
ногам,
А вокруг не умолкает птичий гам,
С узелком по тёплой тропке
Я припрыжкою торопкой
Поспешаю к дальним скошенным
лугам.

Здесь и мама, и отец, и старший
брат.
Кузька – пёсик наш, он мне до
визга рад!
Как довольны мы друг другом,
И плывёт над звонким лугом
Сена свежего духмяный аромат.
Расставляю на скатёрочке обед.
Что смогла я принести в свои семь
лет?
Квас, огурчики, картошка...
Ахнет мама: «Ай да крошка!»
И счастливее меня на свете нет!
Вечер солнышко подержит над
рекой,
Грабли с вилами отпустит на
покой.
Мы идём неспешно к дому.
Лугу, берегу родному
И сегодняшней себе – машу рукой.

РАДУЖНАЯ СУТЬ

Прижмись ко мне, послушай... ты
поймёшь,
За что люблю я тёплый летний
дождь:
Люблю его за радужную суть,
За устремленье вымыть всё на
свете
И гением уборщика блеснуть,
Преумножая радость на планете.

Он поутру мальцом присеменял.
Прибила пыль метёлочка тугая.
Но туча приплыла черней чернил,
Звериною лохматостью пугая.
Дождишко вмиг до ливня
возмужал,
Не детской обзавёлся
погремушкой.
Он пыль и зной легко в горсти
зажал
И занялся весёлой постирушкой.

Я труд его пятёркой оценил,
А ты дождём прониклась, дорогая?
Он под навесом нас уединил
И, даже стихнув, за собой манил,
Цветной дугою поле запрагая.

Взгляни, опять на дитятко похож
В парные дали семенящий дождь.

(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 73 (май).

Письмо шестидесят девятое

ПЕРЕДО мной на столе лежат удивительные книги. Это подарок! В полном объеме этого слова. Во-первых, это огромный срез нашей истинной культуры. Переписка В. Я. Курбатова с В. П. Астафьевым. Затем его же переписка с Борщаговским. И автографы, подаренные ему же на жизненном пути с комментариями автора.

Во-вторых, это издатель книг Геннадий Сапронов и художник Сергей Элоян. На фоне прекрасно издающейся сейчас литературы это уникальные издания, начиная с тиража в 1,5-2,5 тыс. экземпляров (что сразу делает эти книги раритетом) и заканчивая огромной культурой, вкусом и смыслом издания. Я думаю, Сапронов прекрасно понимал, что читать эти книги будет не «основная масса», а очень небольшой круг людей. Честь и хвала ему как предпринимателю, что он подарил русской культуре такие «невыгодные» книги. Это возможность подвести как бы итоги второй половины прошлого века, а вместе с тем попытаться понять, что же с нами произошло и почему, при этом, не обязательно соглашаясь с высоки-

ми собеседниками. Очень горько читать предисловие В. Г. Распутина к третьей книге «Подорожник». В кратких замечаниях о времени, говоря теплые слова об авторе, он дает возможность прочувствовать всю боль по уходящей культуре в полном смысле этого слова.

Во все века те, кому за 60, сожалеют о прошлом, ругают молодежь и возводят на пьедестал свое время. Поскольку мне уже тоже за 60 я неоднократно проверял себя по этому поводу: «Было хорошо, а сейчас плохо! И только потому, что ты уходишь и уже не пишешься в сегодняшний мир».

Но сейчас мы подошли к грани серьезного разлома времени. Если при всяких культах мы лгали от страха, то сейчас ложь стала органикой, частью нашей плоти, срослась с нами и во многом определяет нашу жизнь. Еще каких то сто с небольшим лет назад мир жил в другом измерении. Даже часы были не в каждом доме. Не было ни радио в сегодняшнем понятии, ни телефона, ни лифта, ни автомобилей, ни самолетов, ни всего того, что мы привыкли считать сегодня нормой. Произошел прыжок в истории, рывок... Но куда? Это очень важно осмыслить. Не для истории или политики. Нет. Это важно осмыслить, прежде всего, для себя, для своих детей и внуков, для всего твоего рода. Ведь, если совсем недавно нас еще плавно несло в сторону водоворота, то сегодня мы уже бешено крутимся по краю воронки. Все быстрее и быстрее.

Молодому человеку надо обладать очень мощной душой, чтобы осознать, что уходит, а что грядет. Чтобы в нем проснулась ярость, желающая освободиться от той липкой паутины, что обволакивает его сознание. Чтобы захотелось вынырнуть на поверхность из затягивающей его пучины реформ.

Провести внутри себя водораздел между великим и все заполняющим посредственным. В наше время, когда «золото» все, что блестит, надо быть очень осторожным.

Главная задача истинно культурного человека сегодня - связать наследие великих «могикан» с настоящим и завтрашним днем. Перекинуть мост над потоком дерьма. Это главная цель любого образования.

Почему детей не учат видеть мир таким, какой он есть, а навешивают в их сознание некие абстракции, изощренную ложь о каком-то «светлом будущем», когда человеческая жизнь ограничена сегодня чуть больше чем полувековым сроком? Опять вспоминаются слова философа о том, что «человечество себя постоянно совершенствует, но никак не улучшает...».

Кто они, эти сегодняшние реформаторы? Кого они дали миру, кого воспитали? Где итоги их личной деятельности? Разве не с их ведома в детские души ползет разврат азартных игр, виртуальный мир, где, кроме мрака, для детской психики нет ничего.

Ну, с детьми понятно, а мы то, взрослые? Неужели до сих пор не поняли, что от одних и тех же реформ развалились и Греция, и Рим, и республики возрождения, и Россия? Да всю историю, во все времена работают одни и те же механизмы. И в начале прошлого века воспевали эмансипацию, «долой стыд», нудизм, кокаин (Анна Каренина), но полистайте хоть Декамерона и все то же обнаружите в XVI веке и при дворе Людовиков. Везде и всюду, во всей истории человечества, одно и то же. А заканчиваются эти реформы войной,

(окончание на стр. 4).

(начало на стр. 3).

революциями, кровью. Всегда.

«После нас хоть потоп» – вот фундамент нашего современного политического и экономического мышления. Где сегодня все эти «академики», что пустили страну под откос? Где эти 600 дней, за которые обещали создать очередной «рай»? Ну, тут Господь беду отвел. А помните, как Остап Бендер на собрании «Меча и Орала» заявил: «Европа нам поможет!», сгреб чужие деньги и был таков – «Великий комбинатор». Как же мы не видим, что толпы новоявленных бендеров заполонили страну и выжимают из нее последние соки?

Неужели мы никогда не образумимся? Неужели русский человек все свои мозги пропил и проел? Когда же мы, наконец, поймем, что еще через одно поколение мы уже не встанем. Я говорю не о территории, армии, экономике и прочем, речь идет о нашей русской душе. То, чего Европа никогда и ни за что не поймет. Они живут, чтобы

есть, а мы едим, чтобы жить. Да, у нас хватает бед, но все они заложены в нашей же душе. И мы об этом знаем. Салтыков-Щедрин как-то сказал: «Разбудите меня ночью и спросите, что делает сейчас русский человек, я, не задумываясь, отвечу – ворует». Это правда, но вместе с тем на выезде одного из российских городов стоит памятник милиционеру, который никогда не брал взятку, и поставили его водители. И все это Россия.

Да, Распутин, Астафьев, Белов, Солоухин и все те, кто составляет цвет нашей духовной культуры, постоянно не то, что говорят, кричат о наших бедах. Напоминают о соеве, о невозможности продавать святое за «чечевичную похлебку». Но кто читает этих авторов? Узкий круг интеллигенции да наши враги.

Конечно, в стране начались некоторые перемены, восстанавливается оборонка, пытаются переломить демографический кризис и т.д. Но все не с того конца. Необходимо породить у девушки

огромное желание создать семью, рожать детей, быть женой и матерью. А мы пытаемся заставить ее рожать за деньги, лишь бы увеличивалась масса населения. Не народ, нет, народ создается другими «реформами». Он объединяется верой в Бога, любовью к Родине, верностью лидеру, а не «высокими технологиями». «Не плоть, а дух растлился в наши дни». (Тютчев).

Ты знаешь, дорогой друг, мне давно уже пора замолчать, я думаю. В этом мире, похоже, ничего нельзя изменить. Всегда будут одни и те же проблемы и механизмы, пока люди будут плясать вокруг «Золотого тельца». А все эти «реформаторы» будут «решать проблемы» всегда мимо истины, ведь «что нам неведомо, то для нас не существует», это факт.

Помню вас всех, молюсь.

Храни вас Господь!

Обнимаю.

Д.В. Арсеньев,

Пеновский район.

Фронт внутренний

Калязинские чтения

В Калязине Тверской области прошла X юбилейная международная научно-практическая конференция «Калязинские чтения». Проводятся чтения Международной общественной организацией «Русское собрание», Администрацией Калязинского района Тверской области, Тверским региональным отделением МОО «Русское собрание». Однако, инициатива и хлопоты главы Калязинского района Константина Геннадьевича Ильина зримо выступают на первое место.

«Специальная военная операция – фронт внутренний: идеология, политика, культура, пропаганда». Такая была задана тема, и в ходе чтений обсуждались вопросы: идеология государства, которая бы нам строить и жить помогала, состояние современного общества, в

первую очередь, молодежи, положение русских в республиках, демографическая проблема в России, катастрофические последствия разрушения русской деревни, ликвидация народного архетипа...

Не припомню в последние годы ни одних чтений, ни одной конференции где бы то ни было, на которых удалось бы миновать темы революции 1917 года, «кто виноват

и что делать», а в связке с этим – обсуждения причин распада СССР. И действительно, никуда не уйдешь от этих вопросов, оценивая наше сегодняшнее положение и значение в мировой истории. Удачно на нынешних чтениях прозвучала мысль председателя Международной общественной организации «Русское Собрание», главного редактора

(окончание на стр. 5).

(начало на стр. 4).

интернет-портала «Русская народная линия», члена Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург) А.Д. Степанова, что «разрушением Союза Европа подписала себе смертный приговор».

«Нам нельзя возвращаться ни к социализму, ни к капитализму», — говорил в своём выступлении председатель Российского общенародного Союза, председатель Международного Славянского Совета (Москва) С.Н. Бабурин. Он напомнил, что Вычислительный центр Академии наук СССР перед самым распадом советской страны смоделировал план социального развития человечества во главе с Америкой, по этой модели гибель человечества произойдёт в 30-е годы XXI века в силу элементарного вырождения человека, в силу отвержения европейским обществом вслед за Америкой духовных ценностей как таковых. С.Н. Бабурин убеждён, что в России этого ещё не произошло благодаря совершенно иному историческому и духовному развитию нашей страны и что «суть русской идеи — спасение мира, а не подчинение его себе».

Поэтому и важно нам сегодня сосредоточиться на своей, русской, культуре, созидать национально ориентированную школу, развивать и поддерживать на государственном уровне патриотические средства массовой информации и много чего ещё нужно сделать, чтобы русская культура и ныне оставалась спасительным ковчегом для человечества.

В отдельных докладах участни-

ков чтений звучали обоснованные аргументы к тому, что необходима национализация науки, поскольку ни для кого не секрет, что в ведущих вузах страны проводится планомерная подрывная соросовская работа на разрушение русской культуры и истории; необходимо так строить образование и воспитание, чтобы наши дети гордились тем, что они русские и хотели быть русскими.

Более трёх десятков историков, филологов, политологов, руководителей региональных патриотических общественных организаций выступили на чтениях по этим важнейшим вопросам. Среди выступавших — Ранко Гойкович, переводчик, публицист, председатель «Русского Собрания в Сербии», генеральный секретарь «Общесербского славянского движения», (Белград, Сербия). Несколько участников чтений прибыли со своими юными детьми, которые тоже пробуют уже свои силы в журналистике или музыке.

И каждый из участников на своих местах по всей стране ведёт по мере сил созидательную работу, иначе картина вокруг была бы гораздо печальнее. А чтения эти для того и собираются, чтобы чиновники в министерствах всё же прислушались и присмотрелись к тому, что думающие о стране люди работают на опережение событий. Ведь тридцать лет на патриотических собраниях говорилось о русском национальном самосознании, создавались малые очаги сопротивления разрушительным последствиям реформ (в частности, в сфере образования), а с высоких трибун кое-где это с оглядкой зазвучало только теперь, когда против России воюет полмира...

В ходе нашего визита в Калязин состоялись встречи с педагогами, работниками культуры, отдельная встреча горожан была организована с С.Н. Бабуриным. Немаловажным было и то, что второй день чтений начался с литургии в храме на Монастырском острове, куда мы добирались по замерзшему водохранилищу мимо печально известной колокольни затопленно-

го Калязинского монастыря. Это тоже некий образ и символ нелёгкой судьбы, исканий и ошибок, покаяния и возрождения России.

Наш приезд на чтения завершился Открытием в Доме культуры Калязина Года педагога и наставника. Выступали детские и юношеские творческие коллективы, звучали сольные выступления, не обошлось и без традиционной русской пляски. И за всем, что гостям представили школьники и студенты, разумеется, стоит работа педагога и наставника. Приятно было видеть среди награждённых в этот день учителей не только ветеранов педагогического труда, но и молодых специалистов, учителей, продолжающих педагогические династии. Поистине, вспомнишь профессора В.О. Ключевского, сказавшего, что центр России находится в провинции.

Это собрание здоровых, конструктивных сил в нынешнее тревожное военное время не может не радовать. Когда глава района в своём выступлении на чтениях говорит об угрозе глобализации и о необходимом сбережении традиционной русской культуры, начинаешь ощущать, наконец, землю под ногами, и землю — свою, и отчётливые контуры будущего России становятся не так уж иллюзорны.

Ирина Ушакова

(газета «Слово», №2)

На снимках: выступают К.Г. Ильин, А.Д. Степанов, С.Н. Бабурин

Музею в Зубцове 35 лет

Зубцовский краеведческий музей открылся в 1988 году, благодаря усилиям местных краеведов и директора областного музея Ю.М. Бошняка. Сегодня он по праву считается одной из достопримечательностей города. Музей располагается в городской усадьбе московского купца В.Д. Крымова. Этот памятник архитектуры XIX века находится в городском историческом центре. 35 лет музея – это тысячи проведённых мероприятий: экскурсии, выставки, встречи, интересные находки, знакомства с удивительными людьми, праздники, лекции... Конечно, это заслуга тех, кто все эти годы работал в музее, жил музеем: первый заведующий Иван Федорович Татионов и последующие продолжатели его дела – Людмила Ивановна Володина и Марина Алексеевна Таранкова. По-доброму, с душой, относятся к музею горожане. Часто они приносят старинные вещи, деньги, документы, порой чудом уцелевшие, рассказывающие об истории семьи, а значит и города в целом.

С. Викторова

Соколовские встречи

В Лихославле, в библиотеке имени Владимира Соколова, состоялся поэтический фестиваль «Соколовские чтения», посвященный 95-летию со дня рождения поэта.

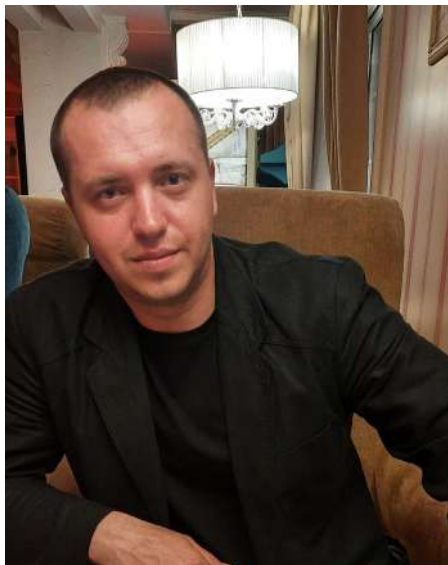
У памятника В.Н. Соколову около библиотеки прошел традиционный литературный митинг. В Центре культуры и досуга участников события приветствовали представители власти Лихославльского муниципального округа, лихославльские поэты. Участникам и гостям фестиваля представили литературно-музыкальную композицию о жизни и творчестве Владимира Соколова.

Торжественным моментом стало награждение победителей поэтического конкурса «Я люблю эту землю свою» (2023 г.). 73 автора, лихославльцы, жители Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Твери, а также двенадцати муниципальных округов Тверской области, прислали на него свои стихи. Самой

молодой участнице было 8 лет, самой старшей – 86. Победителям были вручены дипломы и подарки. Примечательно, что в числе победителей оказались и андреапольцы. В категории «Участники свыше 18 лет» первое место заняла Маргарита Петрова, третье – Ольга Венкова, поделив его с Юлией Гордеевой из Санкт-Петербурга.

Продолжила фестиваль традиционная поэтическая площадка «Открытый микрофон». Своё творчество представили десятки авторов. Участники «Открытого микрофона» подарили библиотеке им. Владимира Соколова свои книги. В библиотеке действовала фотоэкспозиция, посвящённая В. Соколову и Соколовским чтениям разных лет, яркие, привлекательные фотозоны.

М. Алексеева

Евгений Харитонов

Родился в 1985 году, окончил Белгородский юридический институт имени И.Д. Путилина. Живет в Белгороде. Работает на газотранспортном предприятии. Член союза Белгородских литераторов.

Лауреат Всероссийских и Международных литературных конкурсов. Публиковался в журналах: «Берега», «Александр», «Таврия литературная», «Звезда Востока», «Бийский Вестник», «Краснодар литературный», «Пять Стихий», «Северо-Муйские огни», «Наша Молодежь», «Литтега» и др.

НАД ГОРИЗОНТОМ РУССКИМ

Мягким багряным цветом
В небе полоской узкой
Тихо встают рассветы
Над горизонтом русским.

Вдруг разразится громом
Пламенный залп Тунгуски*.
Эхо затянется стоном:
«Кто-то напал на русских».

Вмиг призовут набаты
к бою! Ракеты, пуски...
И побегут солдаты
С кличем «Ура!», по-русски!

И задымятся в раже
Пришлых врагов огузки.
Кто-то негромко скажет:
– Как же бесстрашен русский!

И покорится лихо,
Не рассчитав нагрузки.
Время прошепчет тихо:
«Вновь побеждает русский!»

«ЭТО СЕРДЦЕ У НАС ОГРУБЕЛО...»

Мягким багряным цветом
В небе полоской узкой
Снова взойдут рассветы
Над горизонтом русским.

**«Тунгуска» – советский и
российский зенитный
пушечно-ракетный
комплекс (ЗПК).*

ЖИЗНЬ НА РУСИ

Кто-то на улице вымолвил,
плача:
«Тяжко живётся сейчас на Руси».
«Разве бывало когда-то иначе?» –
Я ненароком в ответ спросил.
И зашагал по России с тревогой,
Слушать ответа страдальца не
стал.
Только куда б ни забрёл я
дорогой,
Плач нарастал.

РАЗМЫШЛЯЯ ОБ ОСЕНИ

Так ли осенью небо угрюмо и
серо,
Так ли капли его холодны и
немые?
Может быть, это сердце у нас
огрубело
И прохладу разносит не осень, а
мы?

Может быть, из-за нас
осыпаются клёны
И кружит листопад от зари до
зари?

Может, листья у них оттого
раскалёны,
Что у нас теплота пропадает
внутри?

И листва, накаливши себя до
предела,
Так пытается нам, что есть силы,
помочь
Отогреть, отогреть наши душу и
тело
И изгнать все земные страдания
прочь!

Не секрет, что осенние парки
прекрасны
И чарующим цветом пылают
костры,
Только жаль, что они прогорают
напрасно
И их жар никогда не почувствуем
мы.

РЯБИНОВЫЕ КИСТИ

Разбрасает осень листья –
Глаз деревчатых печаль.
Лишь рябиновые кисти
Ты тоской не помечай.

Пусть они себе пылают
В этой сизой пелене.
И собой напоминают
О прошедшем лете мне.

Где под алые закаты
У раскидистой ольхи
Я влюблённый и крылатый
Для неё писал стихи.

ЗИМА В ГОРОДЕ

По городу метелица
На цыпочках идёт.
В шелка мосты оденутся,
К реке прилипнет лёд.

Надуют щёки пышные
Сугробы у дорог.
И под ногой услышу я,
Как снег грызёт сапог.

Снегирь в ветвях засветится,
Подобно маяку.
Клыком сосулька вцепится
За ворот козырьку.

И будут ночи длинные
Дарить украдкой сны
Про трели соловьиные –
Кудесников весны.

• Литературное краеведение

Владимир Соколов

Один из выдающихся русских поэтов родился 18 апреля 1928 года в Лихославле. В 1952 году окончил Литературный институт им. Горького. Первая поэтическая книга «Утро в пути» вышла в 1954 году. Кавалер ордена Кирилла и Мефодия (Болгария), лауреат Государственной премии СССР в области литературы, первый лауреат Государственной премии России им. А. С. Пушкина, Международной Лермонтовской премии и других престижных премий. В Лихославле именем Владимира Николаевича Соколова названа Центральная районная библиотека, возле которой установлен памятный камень поэту. Умер 24 января 1997 года. Похоронен на Кунцевском кладбище в Москве.

* * *

Безвестность – это не бесславье.
Безвестен лютик полевой,
Всем золотеющий во здравье,
А иногда за упокой.

Безвестно множество селений
Для ослепительных столиц.
Безвестны кустики сиреней
У непрославленных крениц.

Безвестен врач, в размыве стужи
Идущий за полночь по льду...
А вот бесславье – это хуже.
Оно, как слава. На виду.

* * *

Как я хочу, чтоб строчки эти
Забыли, что они слова,

стр. 8

«ПРОЗРАЧНЫЕ РАЗМЕРЫ,
ОБЫЧНЫЕ СЛОВА...»

А стали: небо, крыши, ветер,
Сырых бульваров дерева!

Чтоб из распахнутой страницы,
Как из открытого окна,
Раздался свет, запели птицы,
Дохнула жизни глубина.

* * *

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.

Они со мной ночуют
В моём селе глухом.
Они меня врачуют
Классическим стихом.

Звучат, гоня химеры
Пустого баловства,
Прозрачные размеры,
Обычные слова.

И хорошо мне... В долах
Летит морозный пух.
Высокий лунный холод
Захватывает дух.

НАЧАЛО

Четвёртый класс мы кончили в
предгрозе,
Но мы о том не думали в тот год,
И детских санок лёгкие полозья
Неслись навстречу буре – без забот.

Ты помнишь? Возле красноречивых
вышек.

Ты помнишь! В Александровском
саду
Летели дни на санках и на лыжах,
И Кремль от детства отводил беду.

Но всё тревожней были передачи.
Всё шире круг забот МПВО*.
Горел Париж. И так или иначе –
На нас ложились отсветы его.

Я помню день, когда забросил сразу
Я все свои обычные дела,
В тот вечер мама два противогаса
Себе и мне с работы принесла.

Я и не понял: для чего, откуда,
Но, на игру сзывая ребятню,
Таскал с собой резиновое чудо
И примерял по десять раз на дню.
Откуда-то их был десяток добыт.

И вот, пока сражение текло,
Любой из нас, растягивая хобот,
Глазел на мир сквозь потное стекло.

А на спину поваленные стулья
Строчили беспощадно по врагу,
И в светлых комнатах шальная пуля
Подстерегала на любом шагу.

И падал навзничь Петька или Сашка
Не на ковры, навстречу синяку,
С бумажною звездой на фуражке
И сумкою зелёной на боку.

Но в коридоре, становясь под знамя,
Мы верим ложной гибели сполна
И не догадываемся, что с нами
Играет настоящая война!

А уж случилось – свет надолго гаснул
Вслед за тревожно стонущим
свистком,

А уж в парадные не понапрасну
Затаскивали ящики с песком.

И часовой на западной границе
Всё зорче вглядывался в темноту.
А там росли опасные зарницы,
Стальные птицы брали высоту.

Там на дома неслись фугасок гроздьи.
На океанах шли суда ко дну.
Четвёртый класс мы кончили в
предгрозе,
Из пятого мы перешли в войну.

Двенадцать лет – огромный,
взрослый возраст.
Но разве нежным мамам объяснишь,
Что наше место там, где крики
«воздух»
И ширь ничем не защищённых крыш.

И мы тайком (туда, где зажигалки),
Оставив женщинам подвальную
тоску,
Вслепую лезем, стучаясь о балки,
По тёплому чердачному песку.

А там, пылая в треугольной раме,
Гремит ночной московский наш
июль,

Зажжённый заревом, прожекторами,
Пунктирами трассирующих пуль.

Мы замерли... И ноги вдруг, как вата,
Но, несмотря на то, что бел, как мел,
(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Наш командир сказал: – За мной,
ребята! –
И по железу первым загремел.

Навстречу две дежурных комсомолки
Уже спешили, нас назад гоня.
И, как сосульки, падали осколки,
И рос напор зенитного огня.

Чердак опять. А бой ревёт над
крышей,
Несовершенным подвигом маня.
И вдруг внесли его, плащом
укрывши,
Как, может быть, внесли бы и меня.

Он так лежал, как в этой же рубашке
Лежал однажды на своём веку,
С бумажною звездой на фуражке
И сумкою зелёной на боку.

Он так лежал, как будто притворялся.
И мать бежала. – Петя, подымись! –
А он молчал. Не встал. Не рассмеял-
ся.
Игра кончалась. Начиналась жизнь.

Так дни идут, как будто нет им краю.
Но этот первый воинский урок
Я в сотый раз на память повторяю
И настоящий трогаю курок!

ХЛЕБ

Сорок второй. Позёмка. Стужа.
До города верста.
Теплушка наша чуть похуже
Вагона для скота.

Но лишь в пути узнав, как дóрог
Её худой уют,
Закоченев, приходим в город.
Там, слышно, хлеб дают.

В ларьке, по óкна заметённом,
Пимóв* о дóски стук.
– Откуда, хлопцы? – С эшелона. –
И чей-то голос вдруг:

– Ребят вперёд пустите, братцы!
Пусть первыми возьмут.
Я слышал, это ленинградцы.
Ишь, как мальчонка худ.

А нас брала уже усталость,
Всё вымерзло в груди.
И очередь заволновалась:
– Ребята, проходи!..

– Да вы бы сразу попросили.
– А сам-то, чай, ослеп? –
Так было тесно в магазине,
Так был он близко, хлеб.
А продавщица обмахнула
Прилавок: – Ну, так что ж? –
И вот уж в воду обмакнула
Большой и добрый нож.

Угрюмы нары эшелона.
Буханки горячи.
А мы молчали, сжав талоны.
Мы были москвичи.

Был зябок жалкий наш нарядец.
С ларька срывало жуть.
– Нет, – я сказал, – не ленинградец. –
А как хотелось есть.

* Пимы – сапоги из шкуры северного
оленья.

ЛИХОСЛАВЛЬ

Лихославль – это город полей,
И лесов, и снегов, и дождей.
Лихославль – это пригород льна,
За которым большая страна.
Лихославль – это в древнюю Тверь
Потаенно открытая дверь.
Отмахнись от пчелы и войди.
Там увидишь, что все – впереди.

Лихославль – это город такой,
Не забывший о славе лихой,
Но живущий среди тысячи слав
Лихославль, Лихославль,
Лихославль...

Он у танкера есть на борту.
Он светильники шлет в темноту.
Я люблю эту землю свою,
У которой всегда на краю.

Потому, что тоскую по ней
Среди множества улиц и дней.
Потому, что я свой человек
Там, где в озеро падает снег,
Где колодезный кличет журавль:
Лихославль, Лихославль, Лихославль!

ВЕЧЕР НА РОДИНЕ

Ночная бабочка о лампу бьется.
Коптит от ветра зыбкий фитилек.
Печалю, радуя, и, как придется,
Воспоминания летят на огонек...

Сырой сквозняк деревьям спать
мешает.
Тревожно пахнут клумбы. И слегка
В их ароматы станция вплетает
Дыханье паровозного дымка.

Какой он сладкий и какой он горький!
Вдохнешь его и, опьянев почти,
Все бросишь за продымленные
зорьки,

За гулкие транзитные пути.
На станции сейчас огни мигают
И ни гудочка, лишь за рядом ряд
Оранжевые рельсы убегают
Под черноту моста и под закат...

Задую лампу. Выйду за калитку.
Услышу: темные кусты трещат.
Увижу: крадучись, – туман
внакидку, –
За яблоками лезет ветер в сад.

Раструбливая новую победу
Над верстами, вдали пройдет
состав,
А я отсюда долго не уеду,
Такой июль на родине застав...

С товарищами старыми
встречаясь,
На целый месяц позабыв Москву,
Я вирши рву, я на траве валяюсь,
Я на Озерной улице живу.

Разбуженных деревьев смутен
ропот.
А вот упало яблоко в саду.
Ступая по зарытому окопу,
На середину улицы пройду.

Озерная, она как луговина,
На ней роса по вечерам и мгла,
И заросла травой наполовину,
И на две трети кочками пошла.

Но для того
она всех прочих краше,
Кто некогда, в один из многих
дней,
Когда черемухи платками машут,
И глянул в мир, и задышал на ней.

На ней ему когда-то дали имя,
На ней и первая тропинка та,
Которой он ножонками босыми
Шагнул за дедовские ворота.

Здесь он впервые солнцу
улыбнулся
И замер, не сводя со сказки глаз.
Здесь в первый раз о камень он
споткнулся,
От боли не заплакал в первый раз.

АРШЕНЕВСКИЕ

В пяти километрах южнее города Белого, вдоль бывшего Смоленского тракта, раскинулась деревня Будино – поселение с богатейшей многовековой историей. Правда, черты прошлого здесь уже не витают. Сначала революция 1917 года, затем Великая Отечественная война катком прокатилась по этой земле, уничтожив все ее бывшее великоление.

СДЕЛАЮ небольшое отступление по поводу названия местности. Первоначально село называлось Будиным (будовать – строить). Будино обозначало «строение», «постройка». Еще было Попово, где жили члены притча. Но, так как расстояние между этими двумя местностями было равно одной версте (чуть больше 1 км), Будино называли иногда Поповым.

Таким образом, село как бы состояло из двух селений. Попово – это та часть селения, где стояла каменная Богородице-Рождественская церковь. Что касается древности села, то, вероятно, что оно существовало еще во времена Польского владычества.

История русской сельской дворянской усадьбы начинается со второй половины XVIII в. Дворянские усадьбы в провинции во времена Петра I, как правило, пустовали, ведь их обитатели были людьми служилыми. В свое имение они приезжали только на короткий срок. Совсем поселиться в усадьбе дворянин мог лишь в преклонном возрасте, уйдя в отставку.

Но в послепетровское время, как только дворянам сократили срок обязательной службы, усадьбы стали оживать. В имениях они начали обустраиваться для постоянной жизни. В 18 веке Будино находилось во владении Аршеневских, известных не только в Смоленской

губернии, но и в России. Это древний дворянский род еврейского происхождения, восходящий к первой половине XVII века и записанный в VI часть родословных книг Смоленской и Черниговской губернии. Род разделился на две ветви.

В Гербовнике Анисима Титовича Князева 1785 года имеется изображение печати с гербом комманданта Новохоперской крепости господина Аршеневского: щит поделён вертикально на две части. В Правой части, в зелёном поле изображен восстающий золотой лев, с мечом в правой лапе. В левой части, в серебряном поле, изображена белая крепость, с красной каменной кладкой. Щит увенчан коронованным дворянским шлемом. Нашлемник: до половины золотой лев с мечом в правой лапе. Цветовая гамма намёта не определена. Вокруг щита фигурная виньетка.

Герб. Часть II. № 123:

Щит разделён перпендикулярно на две части. В правой в красном поле изображён золотой Лев, стоящий на задних лапах, имеющий в передней Лапе Шпагу. В левой части в голубом поле серебряная Крепость. Щит увенчан дворянскими шлемом и короной. Нашлемник: до половины Лев, держащий одной Лапой Шпагу. Намёт на щите голубой и красный, подложенный золотом (Гербовое дело Аршеневских Департамента Герольдии Правительствующего Сената по Смоленской губ. 1872

г. РГИА, ф.1343, оп.16, д.2933).

Согласно родословной книге, род происходит от выехавшего из Великого княжества Литовского шляхтича, майора Федора Ивановича Аршеневского. Его сын Николай Федорович после того, как русские войска заняли Смоленск в 1654 году, принял русское подданство, крестился и поступил на службу к русскому царю. Был пожалован вотчинами в Смоленском уезде. Аршеневские возвысились в петровскую эпоху благодаря родству с П.П. Шафировым и братьями Веселовским (внуки Николая Аршеневского).

Смоляне, вступившие в русское подданство в 1654 году, были огромным кланом, связанным друг с другом не только общностью происхождения, но и «общим бизнесом» – торговлей, промышленностью. Это были: Шафиловы, Веселовские, Евреиновы, Исаевы, Копьевы, Григорьевы, Аршеневские и множество других.

Исаак (или Исай) Захарьевич Аршеневский, правнук Николая Федоровича, был с 1760 г. в царствование императрицы Елизаветы смоленским губернатором. В годы правления императрицы Екатерины II его ложно обвинили в лихоимстве (вымогательстве).
(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

Сын Исая Захарьевича, Петр (1739–1803), дослужился до звания генерала – поручика и тоже занимал пост смоленского губернатора с 1788 (по некоторым данным с 1790 г.) года.

Пока нам не удалось выяснить, являлись ли вышеназванные Аршеневские владельцами бельских земель, но точно известно, что следующие Аршеневские имели родовое имение Попово в Бельском уезде Смоленской губернии.

Это Аршеневский Яков Степанович, который появился на свет в начале XVIII века в сельце Попово Бельского уезда Смоленской губернии в семье полковника Степана Николаевича Аршеневского. Более 25 лет прожил в родовом имении Попово и только в 1730 году поступил на государственную службу в звании дворянина посольства. Эта служба пришлась ему не по душе и он в скором времени перешел в пехоту. Он занимался заготовкой продовольствия для армии. Никто из сослуживцев-интендантов не мог сравниться с Яковом Степановичем в умении обольщать купцов и закупать хлеб и скот по максимально выгодным для казны ценам. Тогда же Яков Степанович женился на дворянке Екатерине Лыкошиной.

Свое пятидесятилетие Я.С. Аршеневский встретил в высоком чине обер-кригскомиссара (1755г.), а спустя непродолжительное время получил должность губернатора в Риге. Это служебное восхождение прервала смерть императрицы Елизаветы Петровны. Занявший престол Петр III отправил Аршеневского в отставку. Опала бывшего рижского губернатора оказалась не столь уж продолжительной – немногим больше года.

Вскоре по воцелении на престол императрицы Екатерины II, в 1764 году, он был произведен в генерал-поручики и назначен губернатором в Нижний Новгород. Екатерина справедливо решила, что наделенный коммерческими способностями губернатор, имею-

щий связи и знакомства в Нижнем Новгороде, принесёт здесь Отечеству больше пользы и выгоды.

Именно Яков Степанович Аршеневский представил Екатерине Великой изобретателя Кулибина, когда императрица, во время путешествия по Волге в 1767 году, посетила Нижний Новгород. После чего Кулибин был приглашён в Санкт-Петербург.

Умер губернатор Аршеневский в Нижнем Новгороде в 1771 году, предположительно, от чумы, которая тогда бушевала в России. Жена его, дочь стольника Степана Лыкошина, Екатерина и сестра Анны Степановны Энгельгардт (Лыкошиной), пережила супруга на 23 года (умерла в 1794 г.).

Яков Степанович построил каменную Богородице-Рождественскую церковь с каменной колокольней в сельце Попово близ своей усадьбы. Начало стройки 22 августа 1761 года, а освящена в 1768 году. В 1788 году его сын Петр Яковлевич пристроил к северной стороне трапезы придельный каменный теплый храм во имя Сретения Господня. При храме было кладбище с каменной оградой, покрытой железом. На его месте в советские годы было построено деревянное здание колхозной конторы, а там, где стоял храм, сейчас здание сельской школы. На кладбище у стен храма были погребены Я.С. Аршеневский и его жена Екатерина Степановна.

Яков Степанович старался приумножить свои земли. Например, в 1751 году он купил у шляхтича Петра Ивановича Кашинцева в Бельском уезде в Понизовской волости половину деревни Филюкина и сенные покосы Могилковский луг «от Акулинского ручья до Опши реки» (Шпиленко, 3 том, с. 253), в 1751 году купил у сестер Снарских в Клемятинской волости в д. Бобневе крепостных крестьян за 50 руб. (с. 491), а Пелагея Антоновна Снарская продала ему в 1751 году свою часть земли в деревне

Бобневе Клемятинской волости и пустоши Сысоеву, Водневу и Воробьеву со всеми угодьями, что достались ей после смерти отца.

Сохранились упоминания, что императрица часто советовалась с мудрым Яковом Степановичем о делах государственных. Вполне возможно, что в российской истории имя Аршеневских звучало бы куда чаще, если бы не преждевременная смерть Якова Степановича в 1771-м. Однако, он успел подготовить неплохой политический плацдарм для троих своих сыновей – Николая, Петра и Ильи, каждый из которых достоин упоминания.

У супругов Аршеневских было 5 сыновей: Николай, Петр, Илья, Степан, Владимир и 2 дочери – Елизавета и Мария. Мария родилась в 1746 году. В 1767 году вышла замуж за Павла Сергеевича Татищева. Она была матерью Дмитрия Павловича Татищева, блестящего дипломата, одной из ключевых фигур на политическом поле Европы первой половины 19 века.

Владимир был убит, а Елизавета умерла в 1816 году и похоронена на кладбище в Попове Бельского уезда у Богородице-Рождественского храма.

Сын Степан проживал в Красном Смоленской губернии. О нем в одном из своих писем графу Панину упоминает Денис Иванович Фонвизин: «Зато в городе Красном, немного похуже всякой скверной деревни, «городничий Степан Яковлевич Аршеневский принял нас дружески и назавтра дал нам обед, которого я вечно не забуду».

Старший сын Аршеневский Николай Яковлевич в военную службу был записан в 1754 г., закончил кадетский корпус, в 1761 получил чин поручика, в 1763 – капитана, 1769 – секунд-майора, в 1770 – премьер-майора, в 1771 – подполковника. В 1768-1772 он участвовал в Русско-турецкой

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 10-11).

войне. С января 1774 возглавляемая им 23-я легкая полевая команда вела карательные военные операции против пугачевских отрядов на территории Заволжья и Южного Урала, участвовала в боях под Алексеевском, Ставрополем, Сергиевском, Бузулукской крепостью. Особо Аршеневский и его команда отличились в сражениях с войском Е.И. Пугачева у Татищевой крепости и под Сакарским городком.

В начале апреля 1774 года эта команда, усиленная батальоном пехоты, эскадроном изюмских гусар и полусотней оренбургских казаков, была направлена из Оренбурга на подавление очагов повстанческого сопротивления вдоль Новомосковской дороги, а к осени переброшена в Уфимскую провинцию, где и находилась в оперативном подчинении генерала Ф.Ю. Фреймана, «усмирявшего» тот край. В конце ноября 1774 входивший в команду Аршеневского сводный русский и мишарско-башкирский конный отряд, возглавляемый поручиком В.Лесковским, захватил в плен видного вожака повстанческого движения в Башкирии Салавата Юлаева. Аршеневский и провел первое дознание над Салаватом, после чего снарядил конвой для препровождения пугачевского бригадира с его отцом Юлаем Азналиным из Уфы в Казань.

В 1781 году офицера произвели в полковники. В 1786 году, получил чин генерал-майора. Среди прочих наград Аршеневский имел орден святого Георгия 4-й степени, пожалованный ему 26 ноября 1787 года (№ 477 по кавалерийскому списку Григоровича – Степанова).

Блестящая воинская служба, а также память Екатерины II о его отце способствовали назначению Николая Яковлевича на должность гражданского губернатора в Смоленск, но вскоре был уволен с должности. 6 января 1797 года император Павел Петрович пожа-

ловал его в тайные советники и назначил гражданским губернатором в Астрахань. Воинский дух боевого генерала, видимо, мало сочетался с ролью управленца и вскоре он был отстранен от должности.

Полностью отойдя от государственных дел, вместе с женой Евдокией Васильевной (в девичестве Голицыной) Николай Яковлевич сосредоточился на обустройстве своей усадьбы в селе Покровском недалеко от Москвы. Усадьбу, первоначально именовавшуюся «Дачей Аршеневских», за белый цвет стен в народе прозвали «Белая Дача», это со временем дало одноименное название микрорайону в подмосковных Котельниках.

Николай Яковлевич Аршеневский упоминается в архивных записях Пушкина, а также в «Истории Пугачева» и черновых вариантах ее текста. Сведения о нем также содержатся в «Летописи» П.И.Рычкова, опубликованной Пушкиным в приложениях к «Истории Пугачева».

В отличие от Николая Яковлевича, неплохим талантом управленца обладал его младший брат Илья. Он родился в 1755 году в имении Попово Бельского уезда Смоленской губернии.

В 1772 году семнадцатилетний юноша Илья Аршеневский участвовал в походе в Польшу про-

тив конфедератов и неоднократно командовал военными отрядами, кои командировались для уничтожения шаек, собиравшихся под начальством маршала Воврецкого. Впоследствии состоял при генерале Кречетникове во время занятия русскими войсками Белоруссии. В 1774 г. находился при разграничении Польши с Российской империей, а в 1778 г., состоял капитаном в Астраханском драгунском полку, участвовал в походе на Кубань.

Пройдя, как и положено дворянину, путь воинской славы, в 1781-м он был произведен в полковники, затем в бригадиры армии, а после упразднения этого титула в 1797-м – в статские советники. В том же году он был определен в Мануфактур-коллегию, ответственную за развитие российской промышленности. На этой должности Илья Аршеневский заведовал суконными фабриками князя Хованского, отвечая за вещевое обеспечение армии. В 1800 году был назначен последним президентом Мануфактур-коллегии и произведен в тайные советники. Он заседал в Правительствующем Сенате – высшем государственном органе законодательной, исполнительной и судебной власти Российской империи. Через год по состоянию здоровья Илья Аршеневский подал прошение об увольнении. Тем не менее, его все равно привлекали к решению разных государственных задач до последних дней жизни. В 1801 г. И. Я. Аршеневский был уволен для излечения болезни на год от должности с сохранением содержания. В апреле 1811 г. Высочайшим указом было ему поручено освидетельствовать на месте наиболее значительные фабрики и заводы в Империи с целью изыскания мер к усовершенствованию и развитию мер русской мануфактурной промышленности. В 1817 г. Аршеневский был переведен в Москву для присутствия в департаментах Сената, где и скончался 65 лет от роду.

(продолжение на стр. 13).

(начало на стр. 10-12).

Похоронен при Богородице-Рождественском храме в сельце Попово Будинской волости Бельского уезда Смоленской губернии.

Не менее успешен был и третий из братьев, Пётр Яковлевич Аршеневский. Он родился в 1748 году в Риге, где его отец занимал в то время должность губернатора, и, как и все братья, получил великолепное домашнее образование. В 11 лет по устоявшейся традиции, увеличивавшей трудовой стаж перед государством, юный Петр был зачислен капралом артиллерии с предоставлением отпуска для завершения учебы. Продолжая домашнее обучение, Петр был таким же образом зачислен и в штат генерал-аншефа князя Голицына – переводчиком.

Непосредственно воинская служба началась у него лишь в 1764-м, когда в чине подпоручика он в составе Ярославского пехотного полка участвовал в русско-турецкой войне с 1769 по 1771 год. Петру прочили блестящую военную карьеру, но внезапная смерть отца, с которым он был очень близок, привела к тяжелым внутренним переживаниям, на фоне которых им было подано прошение об отставке.

Уединившись в своем имении Попово Бельского уезда Смоленской губернии, Петр занимался только вопросами его обустройства, и вскоре хозяйство превратилось в передовое. К внутренней и внешней политике он был в это время настроен абсолютно апатично. Ситуацию решили исправить братья, с подачи которых он стал постоянным представителем Смоленского верхнего земского суда. Проявляя все большую заинтересованность в решении насущных для губернии вопросов, в 1778-м Петр был назначен уездным предводителем бельского дворянства, а в 1789-м перешел на службу губернским прокурором во Владимир. Еще через два года с тем же званием он перевелся в Санкт-Петербург. Активная деятельность Петра Арше-

невского на этом посту привлекла внимание императрицы Екатерины II, которая после первой же аудиенции издала приказ, повелевавший Аршеневскому впредь ходить к ней с докладами еженедельно.

Во время одного из таких визитов в 1782 году Петр Аршеневский передал императрице свой «Проект дворянских выборов». «Высочайше ею утвержденный» проект стал существенным вкладом Петра Аршеневского в зарождавшуюся при Екатерине систему формирования органов местного самоуправления. Аршеневскому тут же были поручены вопросы организации первых выборов московского губернского предводителя дворянства, состоявшихся в октябре 1782 года.

После Екатерина II поручила Петру Яковлевичу разъяснить выборное законодательство «разным присутственным местам, провинциальным прокурорам и стряпчим». Исполнив это поручение и объездив большую часть империи, в феврале 1784 года Аршеневский решил выйти в отставку, вновь перебравшись на целых 12 лет в свое имение Попово Бельского уезда.

Согласно «Смоленским епархиальным ведомостям» за 1872 год Будинский приход на 1792 год включал в себя 37 населенных пунктов, из которых 17 принадлежали коллежскому советнику Петру Яковлевичу Аршеневскому. Среди них: село Попово, деревни Выползово, Черепы, Карелы, Плосково (Плоское) и др.

В феврале 1797-го года Петр Аршеневский был произведен в статские советники и назначен вице-губернатором Москвы. Проявив себя прекрасным управленцем, за год он умудрился сэкономить несколько миллионов рублей городской казны без ущерба качеству и объемам поставок по казенным подрядам. Изложив свое видение экономического развития Москвы в рукописи, он представил ее императору Павлу I. А тот, прочитав, тут же собственноручно «возложил

на него орден св. Анны 2-й степени». Через год, в 1798-м, с целью аналогичного подъема всех отраслей хозяйства Павел I назначил Аршеневского губернатором в Иркутск. Но смена климата негативно сказалась на здоровье управленца. Дороживший ценными кадрами император решил вернуть его в Москву – гражданским губернатором. Данную должность Аршеневский занимал с 1798 по 1803 год.

Имя Петра Аршеневского в ряду градоначальников Москвы не фигурирует по той причине, что генерал-губернатор и гражданский губернатор – это две разные должности. Несмотря на то, что их полномочия в законодательстве совпадали почти дословно, власть первого носила более личный характер, и избирались они из числа генералов, находившихся на действительной службе. Гражданские же губернаторы были управленцами. За образцовое управление губернией в указанные годы Аршеневский был награжден орденом св. Анны 1-й степени и произведен в тайные советники.

(окончание на стр. 14).

(начало на стр. 10-13).

Следующий император Александр I тоже оценил его заслуги на этом посту и вскоре после своего восшествия на престол удостоил Петра Яковлевича Высочайшего рескрипта со словами: «Ревностное ваше служение и способности всегда привлекали особенное Мое внимание. Свидетельство, дошедшее ко Мне о порядке, правом суде и спокойствии, доставленном вами жителям Московской губернии, делают вам честь и Мне удовольствие».

Но, видимо, удовольствие от такой развитой экономики получали все-таки не все, и в 1804 году Петр Аршеневский был отправлен в отставку. Основанием стал анонимный донос о его злоупотреблениях на посту. Следствие велось год и, в конечном итоге, не подтвердило ни один из указанных в доносе пунктов. Петру Яковлевичу было предложено вновь занять свою должность. Но к тому времени он уже был слишком доволен своей тихой жизнью в родовом

имении в Смоленской губернии и от проявленного доверия отказался.

7 октября 1811 года в возрасте 62 лет Петр Яковлевич Аршеневский скончался в своем имении. Похоронен он при Богородице-Рождественской церкви сельца Попово рядом с родителями, сестрой Елизаветой и младшим братом – действительным тайным советником и сенатором Ильей Яковлевичем Аршеневским.

Сохранилась в роду Аршеневских одна загадочная история: 10 июля 1801 года «дозволено» московскому губернатору Петру Аршеневскому в согласии со своими братьями Николаем и Ильей передать имя и герб Аршеневских воспитаннику Петра Яковлевича – Илье Городецкому. По-видимому, Илья Городецкий (родился примерно в 1780 году) был внебрачным сыном Петра Аршеневского.

Коллежский асессор Илья Петрович Аршеневский пережил своего отца на 18 лет и похоронен рядом с ним все на том же кладби-

ще сельца Попово Бельского уезда.

Аршеневские вплоть до начала девятнадцатого века, до смерти Ильи Петровича в 1829 году, владели поместьем Попово. Следующим владельцем стал Николай Матвеевич Ельчанинов. По наследству от деда по материнской линии, Действительного тайного Советника и Сенатора Ильи Яковлевича Аршеневского (1715-1771) ему перешло с. Будино и значительная часть близлежащих деревень общей площадью 10 000 десятин земли.

Но это уже другая история.

Т. Чистякова,

директор межпоселенческой центральной библиотеки, краевед

На снимках: Дмитрий Павлович Татищев (1767-1845); Герб рода Аршеневских; цветной портрет Ильи Яковлевича Аршеневского.

Сохранить водокачку

Заброшен и погибает исторически важный объект

Нависла угроза уничтожения над зданием железнодорожной водокачки, построенной в 1906 году (при помещике А.А. Кушелеве) и расположенной на улице Набережной, где я родился и живу. С переходом железной дороги на тепловозную тягу водокачка была выведена в резерв, однако, до начала 90-х годов находилась в отличном рабочем состоянии.

Улица Набережная, историческим символом которой является кушелевская водокачка, хотя и маленькая, всего из девяти домов, связана с именами

известных людей. Народного депутата СССР, председателя Союза дизайнеров СССР, профессора, кандидата философских наук О.В. Чернышева, одного из основоположников молекулярной биологии, док-

тора биологических наук, профессора В.В. Месянжинова, видного военного микробиолога, генерал-лейтенанта медицинской службы, лауреата Госпремии России В.И. Евстигнеева, заслуженного учителя России М.П. Сидоровой (Треяр) и ее мужа доктора философских наук, профессора С.А. Сидорова... Водокачка помнит жившего

(окончание на стр. 15).

(начало на стр. 14).

неподалеку мальчика Исаяю Берлина (здесь прошла часть его детства), того самого английского сэра, философа, филолога с мировым именем, автора много-томных трудов, которому посвящала свои стихи Анна Ахматова и с которым связаны ее неприятности. В книге бывшего секретаря Ахматовой Анатолия Наймана «Сэр» есть свидетельство самого Берлина о том, какое влияние на формирование его личности оказала атмосфера Андреаполя.

Здание водокачки, безусловно, надо сохранить. Оно могло бы стать важным туристическим объектом Андреаполя, где неплохо бы, например, создать железнодорожный филиал местного краеведческого музея или картинную галерею. Раздавались предложения посвятить экспозиции верховьям Западной Двины. Думается, свою помощь предоставлением необходимых материалов мог бы оказать Андреапольский краеведческий музей и замечательный исследователь, краевед, автор интереснейших книг о Верхнем Подвинье, член Географического общества А.С. Попов. Однако, тверские и местные чиновники даже умудрились проигнорировать его 90-летие.

По моему мнению, в этом здании вполне мог бы разместиться и литературный музей.

Андреапольские школьники не знают писателей, поэтов, художников, деятелей культуры, так или иначе связанных с Андреаполем. Между тем, в нашем городе был путешествовавший по следам 29-й армии Константин Симонов. Андреапольская тема нашла отражение в творчестве Михаила Матусовского, Марка Лисянского, Константина

Рябенского. Об освобождении Андреаполя рассказал в «Правде» Борис Полевой, не миновал здешних мест Ираклий Андронников. Перед войной в Андреаполе (тогда поселке) жил будущий многолетний руководитель Тверского отделения Союза писателей, прозаик Евгений Борисов (его отец Иван Семенович работал первым секретарем Ленинского райкома партии). Многократно навещала Андреаполь талантливейшая поэтесса Галина Безрукова (здесь был задуман известный андреапольский цикл, вошедший в ее книги). Юхан Смуул в своей «Ледовой книге» рассказывает о трагической гибели в Антарктиде нашего земляка Николая Александровича Чугунова (его именем названы купол и ледник).

Для несведущих сообщу также, что в деревне Козлово Село создавались фундаментальные труды члена Союза писателей, доктора исторических наук Раисы Кузнецовой (невестки легендарного адмирала Н.Г. Кузнецова). Бывал у нас лауреат Ленинской и Государственной премий выдающийся публицист-почвенник Иван Васильев, свои полотна писали в наших краях лауреат Ленинской и Государственной премий Николай Ромадин, заслуженный художник РСФСР Федор Смирнов, талантливый земляк, член Союза художников России Владимир Дмитриев. Приезжали в Андреаполь известные российские писатели и публицисты Михаил Петров и Геннадий Сазонов (в андреапольских деревнях родились его отец и мать), писатели, публицисты, поэты Андрей Канавников, Борис Лапченко, поэты Владимир Пальчиков, Евгений Сигарев, Владимир Львов,

баснописец Виктор Хомяченков, авторы книг о партизанском движении Виктор Терещатов, Владимир Заболотнов, Николай Масолов, белорусский поэт и писатель Сергей Рублевский...

Поэтом был и упомянутый выше обладатель многих талантов профессор Олег Чернышев. Песня «Андреаполь – остров детства» положена на его стихи (музыку к ней написал тверской композитор Лев Тимофеев). Ныне в моем родном краю успешно занимаются творческой деятельностью художники Павел Урсу, Евгений Ефимов, Людмила Йог, поэтесса и подвижница (ответственная за выпуск «Двинского бережка») Маргарита Петрова, поэт и прозаик, лауреат всероссийских бардовских фестивалей Владимир Юринов, поэтесса Наталья Шабанова...

Надеюсь, предложения о сохранении здания водокачки, точнее – о его спасении, не останутся без внимания и станут своего рода экзаменом для местных чиновников, проверкой их на уважительное отношение к истории, патриотизм и профессиональную состоятельность. Хотелось бы получить поддержку и со стороны праправнука А.А. Кушелева (род Кушелевых оставил заметный след в Верхнем Подвинье), талантливого джазового музыканта Игоря Михайловича Бутмана.

Валерий Кириллов,

писатель, заслуженный работник культуры России, лауреат национальной премии «Имперская культура»

На снимке: такой была действующая водокачка в 80-е гг.

Золотой запас

Леонид Корнилов

(Род. в 1952 г.)

МНЕ ПОСЛЕДНЕГО СЛОВА НЕ НАДО

Мне последнего слова не надо.
И когда хлынет кровь под кадык.
Из меня, как чеку из гранаты,
Время выдернет русский язык.

И сорвёт оглушительной силой
Свет со звёзд, словно пламя со
свеч.

Над воронкой, размером с Россию,
В космос вздыбится русская речь.

Немота перейдёт все границы.
И полмира забудет слова.
И минута молчанья продлится
Может, год, может, век, может, два.

Но когда кошельками моллюсков
Мир себя до отвала набьет,
Он очнется и вспомнит про
русских,
Про бессребреник – русский
народ,

Раздаривший Аляску и правду,
И поднявшийся к Богу впритык.
Мне последнего слова не надо.
Говорить будет русский язык.

Он из наших – последний
великий
Прикрывает надежно отход.
Не иконы, а книги, как лики,
Остаются на полках высот.

Что хотите вы мне говорите...
Как в пространстве царит высота,

Так числом русских букв в
алфавите
Измеряется возраст Христа.

Древним словом мы с будущим
слиты.

Человечество – наш ученик.
Наш круг чтения – земная орбита.
Наша Родина – русский язык.

Николай Заболоцкий

(1903 - 1958)

РАЗВЕ ТЫ ОБЪЯСНИШЬ МНЕ...

Разве ты объяснишь мне – откуда
Эти странные образы дум?
Отвлеки мою волю от чуда,
Обреки на бездействие ум.

Я боюсь, что наступит мгновение,
И, не зная дороги к словам,
Мысль, возникшая в муках
творенья,

Разорвет мою грудь пополам.

Промышляя искусством на свете,
Услаждая слепые умы,
Словно малые глупые дети,
Веселимся над пропастью мы.

Но лишь только черед наступает,
Обожженные крылья влача,
Мотылёк у свечи умирает,
Чтобы вечно пылала свеча!

Татьяна Глушкова

(1939 - 2001)

* * *

Вот и стала хозяйкой лихою
с древней складкой глубокого рта.
Возрастила полынь с лебедью,
а твержу, что пьяна и сыта.

Замесила дорожную глину,
а твержу, что – крупитчатый хлеб,
Разогнула высокую спину –
вижу, месяц идет на ущерб.

Отпылали весенние годы,
налетают глухие года.
А веселое дело работы
не покинет уже никогда.

Егор Исаев

(1926 - 2013)

РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Для куража и просто так, не для
Сегодня «бл*» и завтра тоже
«бл*»,
Сегодня «блин» и завтра тоже
«блин»...

Да ты восстань, язык наш исполин,
И преподай им, что такое бляха
На полный мах от шапки
Мономаха.